

Л. А. ДАШКЕВИЧ

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

С созданием крупной горнозаводской промышленности в России в XVIII в. встал вопрос о социальном и правовом статусе руководителей этой промышленности и занятых ее обслуживанием технических специалистов. В условиях феодально-абсолютистского государства это означало прежде всего определение их места в социальной структуре общества. Для всех звеньев производственно-технического персонала казенной и частной промышленности вопрос этот решался по-разному.

Организация службы высшего — инженерного — звена технических кадров казенной промышленности в XVIII в., история включения их в систему государственной службы России до сих пор специально не исследовались. Поэтому остановимся на этом вопросе подробно. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные источники, первоначально технические кадры казенных заводов, комплектовавшиеся из самых разных слоев, в том числе из мастеровых, не получали особых прав и преимуществ и даже не исключались из податного состояния. Очевидно, это умалало их авторитет в глазах светских властей и подчиненных им мастеровых, а кроме того, делало горную службу непривлекательной для дворян — самой образованной части тогдашнего общества. В целях повышения авторитета служащих горного ведомства, а также их образовательного уровня, правительство законодательными актами включило их в систему государственной службы и наделило всеми связанными с ней правами. Однако для того, чтобы привлечь на горную службу дворянство, необходимо было сравнять ее с традиционно дворянской — военной — службой.

О необходимости сравнять заводских служащих рангами и жалованьем с офицерами военной инженерной службы писал в Сенат

В. Геннин еще в 1731 г.¹ Он представил разработанный им «стат» — табель горных чинов, освидетельствовать который было поручено направленному в 1734 г. на Урал В. Н. Татищеву². Осмотрев казенные заводы, Татищев разработал и представил в Сенат свою «ропись» горным чинам. Основным недостатком генниновского «стата» Татищев считал то, что он давал возможность получить классные чины, а вместе с ними и права дворянства, массе выходцев из мастеровых, занимавших должности «молодых шихтмейстеров». Верный сословно-классовым принципам царской политики, Татищев вынес чин «молодшего шихтмейстера» (унтер-шихтмейстера) за рамки табеля классных чинов, приравняв их к унтер-офицерским. В таком виде «Штат чинов при Сибирских горных заводах» и был утвержден императрицей 2 октября 1734 г.³

Указ 1734 г. положил начало включению горных инженеров в ряды чиновного дворянства, причем наиболее привилегированной его части — военного офицерства. Однако претворение в жизнь провозглашенных принципов растянулось на долгие годы. Даже в 1761 г., как свидетельствовал именной указ, данный Сенату, «произведенные из российских людей в горные штаб- и обер-офицеры Кольвановоскресенского горного начальства в таком от служащих в армейских и гарнизонных полках штаб- и обер-офицеров презрении, что не хотят их и за офицеров признавать, а на гауптвахтах или при ином каком карауле часовые оным офицерам и чести ружьями не отдают, поставляя их за мастеровых людей, а не за офицеров». Для устранения подобных фактов, а также привлечения на горную службу дворянства указ 1761 г. повелевал горных офицеров Кольвановоскресенских заводов «пожаловать рангами, жалованьем и действительным почтением по сходству математических их наук против артиллерийских и инженерных». Горные офицеры получили право носить военный мундир⁴. В 1764 г. подобный указ был издан в отношении горных офицеров Нерчинских заводов⁵.

¹ ЦГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 12. Л. 465.

² ПСЗ-1. Т. 9. № 6559.

³ ПСЗ-1. Т. 8. № 6632. Т. 44. Ч. 2. С. 34, 35. «Штат чинов при Сибирских заводах» представлял собой зафиксированную иерархию реальных заводских должностей того времени. К началу XIX в. количество должностей расширилось, а число чинов осталось прежним. Поэтому чины получили как бы самостоятельное от должностей значение. Саксонские названия чинов были введены Генниним. Попытка Татищева заменить их русскими названиями успеха не имела скорее всего потому, что русские названия были слишком конкретны, привязаны к определенным обязанностям. В начале же XIX в. чины нередко не соответствовали первоначально определенным для них должностям.

⁴ ПСЗ-1. Т. 15. № 11185.

⁵ ПСЗ-1. Т. 16. № 12145.

Вопрос о том, можно ли силу действия этих указов распространять на горных чиновников уральских заводов, долгое время был спорным. Только в 1801 г. сенатским указом они были окончательно сравнены в правах с горными офицерами Кольванововоскресенских и Нерчинских заводов⁶. Устав о службе гражданской 1832 г. впервые четко определил место горного чиновничества в сословной структуре российского общества, констатируя, что «чиновники горные пользуются... всеми преимуществами военной службы, то есть приобретают потомственное дворянство с пожалованием в первый классный горный чин»⁷. Однако уже в 1834 г. царское правительство приняло меры к тому, чтобы ограничить приток демократических элементов в ряды горного офицерства. Было издано Положение о Корпусе горных инженеров, членами которого могли стать только дворяне, дети горных чиновников и сравненных с ним лиц⁸. Сходный устав получил и организованный в 30-е гг. XIX в. Корпус лесничих. Выходцы из мастеровых с 1834 г. стали производиться за особые заслуги только в гражданские чиновники, по российским законам получавшие права потомственного дворянства лишь с VIII класса, а в низших классах считавшиеся личными дворянами.

Меры по очищению дворянства от демократических элементов проводились на протяжении всего феодального периода. С 1845 г. чиновники гражданской службы стали получать права потомственного дворянства с V, а личного — с VIII класса. Чиновники низших классов с этого времени получали только звания и права почетных праждан. Офицеры военной службы (а следовательно, и горные инженеры) с 1845 г. стали получать права потомственного дворянства не с первого классного чина (XIV класса), а с чина майора (VIII класса). Офицеры низших чинов получали с этого времени лишь личное дворянство⁹. Однако и эти меры оказались правительству недостаточными. В 1856 г. классы, дававшие права потомственного дворянства, были отодвинуты еще выше: в гражданской службе — до IV, а в военной — до VI классов¹⁰.

Включение горных чиновников, а затем горных инженеров в состав дворянства потребовало уточнения их прав по обладанию землей и крепостными. В апреле 1737 г. появился именной указ «О пожаловании деревень шляхетству, находящемуся на службе при горных заводах»¹¹. Указ этот наглядно показывает, насколько неясным было сначала правовое положение новой для России со-

⁶ ПСЗ-1. Т. 40. № 30510.

⁷ СЗ. 1832. Т. 3. Ст. 529.

⁸ Положение о Корпусе горных инженеров. СПб., 1835.

⁹ ПСЗ-1. Т. 20. № 19086.

¹⁰ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. С. 42—43.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 10. № 7236.

ациональной группы. Провозгласив в 1734 г. необходимость сравнения чиновников горной службы с военными офицерами, которые по табелю о рангах имели права потомственных дворян, правительство в 1737 г. постановляет выделить горным чиновникам земли «из дворцовых деревень Осинского уезда и из ясачных» на правах условного держания. Выделенные дворы чиновники могли передавать по наследству только тем сыновьям, которые оставались на горной службе. Неизвестно, насколько активно проводился в жизнь этот указ.

11 июня 1814 г. был обнародован указ, запрещавший обер-офицерам не из дворянства, состоящим на гражданской службе, приобретать крестьян и дворовых людей. Горным офицерам приобретать землю и крепостных разрешалось сразу после получения первого горного чина, что было подтверждено специальным мнением Государственного совета от 18 марта 1823 г.¹²

Таким образом, краткий обзор тех прав и преимуществ, которыми обладало горное офицерство, свидетельствует о том, что оно принадлежало к самой привилегированной части русского общества — потомственному дворянству. Очевидно, не правы те исследователи, которые считают правовое положение горных инженеров близким к положению разночинцев¹³. Другое дело, что, имея единственным или главным источником существования службу на горных заводах, т. е. профессиональную интеллектуальную деятельность, они чаще всего не имели возможности реализовать свои права. Из 55 горных чиновников — технических служащих казенных заводов, сведения о которых взяты нами из формулярных списков 1819 г., 49 человек (около 90%) не имели во владении ни одного крепостного¹⁴. За пятью офицерами формулярные списки числили от 1 до 44 душ в Новгородской, Смоленской, Ярославской и Оренбургской губерниях. Лишь один офицер — бергмейстер Турьинских рудников В. А. Грубер — владел 75 душами крепостных. Положение не изменилось и к концу феодального периода. По подсчетам Л. А. Булгаковой, проведенным на основе анализа формулярных списков 222 горных инженеров страны, лишь около 18% их владели недвижимой собственностью в конце феодального периода¹⁵. Таким образом, большинство горных инже-

¹² ПСЗ-1, т. 38, № 29360.

¹³ См., например: Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 128—131.

¹⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1349. Оп. 4. 1819. Д. 54, 56, 74, 77, 78, 79, 81, 82, ч. 1, 84.

¹⁵ См.: Булгакова Л. А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX в. (Состав, правовое и материальное положение): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 186.

неров, несмотря на декларируемую законом принадлежность к потомственному дворянству, представляло собой слой, лишенный недвижимой собственности и живущий почти исключительно за счет доходов от службы в горнозаводской промышленности и в этом смысле действительно мало отличавшийся от слоя разночинцев.

Показателем привилегированного положения горных чиновников и инженеров был льготный порядок назначения им пенсий. Если служащие всех других ведомств получали право на пенсию в размере половинного жалования после 25, а полного — после 35 лет службы, то горный чиновник получал его соответственно после 20 и 25 лет службы¹⁶. Одним из условий выслуги пенсии была непрерывность горной службы. Эти привилегии, а также право бесплатного обучения детей в Горном институте, дававшееся горным инженерам, привязывали их к казенной горной службе, делали профессию горного инженера почти наследственной. Сложились целые династии горных инженеров, служившие на уральских заводах в течение нескольких поколений (Иосса, Гразгофы, Грамматчиковы и др.). Требование непрерывности горной службы для получения пенсии удерживало многих инженеров от перехода на службу в частные округа.

Приравнивание службы горных инженеров и офицеров Корпуса лесничих к военной со всеми свойственными этому роду службы привилегиями, хотя и создавало стабильные кадры в казенной промышленности, имело своей обратной стороной полувоенную организацию их труда и быта: военные чины и мундир, строгую субординацию и дисциплину, военный суд и т. д. Все это могло поддерживать в инженерах стремление к беспорочной службе, но мало способствовало развитию творчества, делало почти невозможными необходимые в инженерной деятельности элементы риска. Противоречие между гражданским характером труда горных инженеров и полувоенной организацией их службы было предметом обсуждения в правительственных комиссиях 50-х гг. XIX в. Но только после реформы 1861 г. система организации службы горных инженеров была изменена: с 1867 г. она перестала считаться военной.

Сложнее для дворянского правительства оказалось решение вопроса о правовом положении технических кадров среднего и низшего звена казенной промышленности. Более высокий по сравнению с рядовыми мастеровыми уровень квалификации и руководящее положение в производстве требовали выделения этой группы. В то же время «низкое» происхождение не позволяло включить ее в общую систему государственной службы (а тем самым в состав

¹⁶ Проект горного положения. СПб., 1806. Ст. 584—590.

дворянства). В организованной по образцу военной службы казенной промышленности средний и низший технический персонал занял место унтер-офицеров, получив общее звание «нижних горных чинов». К их числу относились унтер-шихтмейстеры I—III классов, маркшейдерские ученики, пробирщики, писцы и лекарские ученики, а с 1847 г. еще и уставщики и мастера. В 1847 г. все они получили звание урядников.

Высшим среди нижних горных чинов вплоть до 1847 г. оставался чин унтер-шихтмейстера I класса. Устав о службе гражданской давал право унтер-шихтмейстерам, выслужившим не менее 20 лет во всех трех классах, производиться в первый классный горный чин, «разумея сие однако только о тех, кои служат собственно по искусственной части горного, монетного и соляного дела»¹⁷. После создания Корпуса горных инженеров в 1834 г. нижние горные чины потеряли право получения классных (а следовательно, и прав потомственного дворянства). За ними осталась лишь возможность перейти в гражданские чиновники, освобождаясь при этом из податного состояния и приобретая права личных дворян. В 1844 г. была ограничена и эта возможность. Для получения классного чина они должны были выдержать специальное испытание, включавшее знание катехизиса, арифметики до тройного правила, правильное чтение печатных книг и рукописей, умение писать по правилам грамматики, а самое главное — «знание всего относящегося до их обязанности». Выдержавшие испытание и произведенные в классные чиновники обязаны были прослужить после этого еще 10 лет в горном ведомстве¹⁸. Практически это лишало выходцев из мастеровых возможности выбрать себе другой род деятельности, кроме горной службы даже после приобретения прав личного дворянства.

Реально правом производства в классные чины могли воспользоваться, конечно, очень немногие. Как разъяснялось в предписании главного начальника горному начальнику Воткинского завода в 1840 г., «выслуга сия даже после 20 лет не дает права на классный чин, а токмо дозволяет начальству выйти с ходатайством об оном»¹⁹. В горные или классные гражданские чиновники переводились действительно избранные, особо отличившиеся выходцы из сословия заводских мастеровых. Так, в формулярных списках 1819 г. среди заводских управителей — выходцев из мастеровых — были И. Н. Подоксенов, известный новатор и изобретатель, устроивший по своему проекту первую на казенных заво-

¹⁷ СЗ. 1832. Т. 3. Ст. 431.

¹⁸ СЗ. 1857. Т. 3. Ст. 619.

¹⁹ ЦГА Удмуртской АССР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4756. Л. 2.

дах машину для прокатки листового железа; М. М. Зубов, создавший на Златоустовском заводе «по собственному проекту» несколько машин в кричной и катальной фабриках; Т. О. Новиков, признанный специалистом в «построении золотопромывальных фабрик» и др. Все они от 18 до 25 лет прослужили в нижних горных чинах.

Выходцы из дворянства и обер-офицерства, не имевшие высшего образования, также начинали службу в нижних горных чинах. Однако для них, как свидетельствуют формулярные списки, срок выслуги классного чина был гораздо меньше (от двух до пяти лет).

Помимо возможности (весьма призрачной) перехода в классные чиновники, права нижних горных чинов мало чем отличались от прав рядовых мастеровых казенных заводов. Вместе с урочными рабочими и мастеровыми они составляли одно сословие, названное в Уставе о службе гражданской 1857 г. сословием горным²⁰. Проект горного положения 1806 г. освобождал их от всех государственных податей и рекрутского набора. Но этот же закон делал для них обязательной службу на казенных заводах, приравливая ее к службе военной. При этом мастеровые приравнивались к рядовым, а нижние чины — к унтер-офицерам военной службы. Горный начальник получал над ними права полкового командира, вел все гражданские дела и утверждал приговоры военного суда по делам уголовным²¹.

Вместе с тем некоторые статьи горных уставов свидетельствовали о более привилегированном положении нижних горных чинов среди горного сословия. Проект горного положения 1806 г. и уставы 1832 и 1842 гг. содержали статью о том, что «никакой мастер или штейгер не должен быть телесно наказан, пока с него не снято будет звание мастера»²². В 1847 г. эта статья была дополнена требованием о том, что звание мастера может быть снято только по суду. В число освобождаемых от телесного наказания указ 1847 г. включил уставщиков, мастеров, межевщиков и пробирщиков²³. Введение в Горный устав статьи об освобождении мастеров от своего звания по суду вызвало протест у горных начальников, считавших это ущемлением своих прав по отношению к подчиненным. Больше всего протестов вызвало то, что чин урядника, а следовательно, и освобождение от телесного наказания, получали рабочие мастера (квалифицированные рабочие, возглавлявшие кричные артели). Почти все горные начальники в рапортах управляю-

²⁰ СЗ. 1857. Т. 3. Ст. 937.

²¹ Проект горного положения... Ст. 361—394.

²² Там же. Ст. 386; СЗ. 1832. Т. 7. Ст. 37; СЗ. 1842. Т. 7. Ст. 268.

²³ СЗ. 1857. Т. 7. Ст. 327.

шему уральских заводов доказывали, что утверждать рабочих мастеров в урядническом звании не стоит. Они должны выполнять обязанности мастеров, оставаясь при этом в звании мастеровых. Использование практики «исполнения обязанностей» без утверждения в звании мастера было столь распространено, что в Екатеринбургском округе, например, по рапорту горного начальника, к 1851 г. в звание урядника не был произведен ни один из мастеров²⁴. Этой мерой администрация лишала низший технический персонал предоставленных ему законодательно прав.

Сроки выслуги пенсии для нижних горных чинов были выше, чем для горных чиновников и инженеров, но сокращены по сравнению с рядовыми мастеровыми. После 20 лет службы они получали пенсию в четверть оклада, после 40 и более лет — полный оклад жалованья (рабочие могли получить четверть оклада в пенсию после 25 лет службы и две трети — после 40 и более лет)²⁵. Однако, как и в случае производства в классные чины, право на пенсию только провозглашалось, но не гарантировалось. На деле, как показано в исследовании Г. А. Кулагиной, этим правом пользовались немногие²⁶. Таким образом, нижние горные чины входили в горное сословие вместе с мастеровыми и урочными рабочими, незначительно выделяясь среди них в правовом отношении.

Более неопределенным и противоречивым было положение выпускников государственных среднетехнических заведений, выходивших из горного сословия. Технологический институт, в котором обучались «пансионеры» горного ведомства, давал своим выпускникам звание ученого мастера (с 1849 г. — инженера-технолога и технолога-практиканта) и одновременно выход из податного состояния, освобождение от рекрутчины и телесного наказания. Горная техническая школа (по уставу о службе гражданской) давала воспитанникам — горным кондукторам — такие же права. Юридически выпускники этих учебных заведений к горному сословию уже не относились. Однако они обязаны были прослужить на казенных заводах 10—12 лет после выпуска из учебного заведения. Причем горная администрация сохраняла за собой право лишать их всех прав по образованию и вернуть в сословие мастеровых, если в течение этих двенадцати лет они подвергались наказанию по приговору военного суда²⁷. Не менее десяти лет обязывались отработать в горном ведомстве и горные «пансионеры» Академии художеств и Петербургского коммерческого училища²⁸.

²⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 125. Л. 21, 22, 59—60.

²⁵ СЗ. 1857. Т. 7. Ст. 1573.

²⁶ Кулагина Г. А. Пенсии рабочих уральских казенных заводов в 50-х гг. XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. С. 50—70.

²⁷ СЗ. 1842. Т. 3. Ст. 348; СЗ. 1857. Т. 3. Ст. 350.

²⁸ СЗ. 1842. Т. 3. Ст. 319, 332; 1857. Т. 7. Ст. 298, 335.

Некоторые специальные учебные заведения не имели официального статуса среднетехнических (Петербургское пробирное, Уральское горное училища). Их выпускники помещались в штат нижних горных чинов казенных заводов, не получая никаких особых прав. Единственное их преимущество перед нижними чинами, не имевшими специального образования, заключалось в праве переводиться в классные чины без особого испытания²⁹.

Если в казенной промышленности кадры технического персонала выделялись из сословия мастеровых и рабочих, то технические руководители частной промышленности, независимо от должности, вместе с мастеровыми и работными людьми, а также заводскими крестьянами стояли на низшей ступени в сословной структуре российского общества, находились в крепостной зависимости от владельца завода.

Выделение кадров управленческого персонала в особое сословие, хотя и не подкрепленное законодательно, произошло в частных горнозаводских округах в XVIII в. К началу XIX в. здесь уже сложилось «сословие» заводских служителей, причем гораздо более замкнутое, чем в казенной промышленности. Служители наделались определенными правами и привилегиями, которые, правда, ничем не гарантировались; возможность пользоваться ими находилась в полной зависимости от воли владельца. Исключительным правом «служительского класса» во всех частных округах было занятие должностей по «письменной и хозяйственной части». Дети служителей преимущественно принимались в заводские школы. Если на казенных заводах каждый «мастерский сын», успешно закончивший горную школу, мог стать служащим и получить нижний горный чин, то в частных округах рядовому мастеровому проникнуть в «штат» служителей было очень трудно, даже если он обладал незаурядными способностями. В Нижнетагильском округе, например, зачисление на должность приказчика известного механика Е. Черепанова, происходившего из мастеровых, вызвало резкое недовольство администрации, сам Н. Демидов вынужден был оправдываться перед своими приказчиками³⁰.

В округах, находящихся на владельческом (вотчинном) праве, служащие чаще всего выделялись из числа мастеровых причислением к разряду дворовых. Причиной этого могла стать статья горного законодательства, обязывавшая владельцев распределять заводские работы так, чтобы при них находилась лишь половина людей, годных к работе³¹. Дворовыми же помещик мог распоряжаться по собственному усмотрению. На заводах Голицыных в

²⁹ СЗ. 1857. Т. 3. Ст. 626.

³⁰ Виргинский В. С. Черепановы. Свердловск, 1987. С. 103.

³¹ СЗ. 1832. Т. 7. Ст. 258.

разряд дворовых переводились не только служащие, но и низший технический персонал (уставщики, мастера). Их дети, наравне с детьми служащих, имели право обучаться в заводских школах и потом занимать канцелярские должности³². В большинстве округов, однако, уставщики и мастера оставались в разряде мастеровых и причислялись к «штату» служителей только для получения окладного жалованья. Дети же их «обращались в работу».

Объем прав, предоставлявшихся заводским служащим в разных округах, был различным. Наиболее прогрессивным для своего времени образцом вотчинного законодательства было «Положение об управлении Пермским нераздельным имением» Строгановых. В разработке этого положения, как считает А. Никитин, принимали участие М. Сперанский и А. Куницын, известные своими либеральными взглядами³³. Не без их влияния в «Устав судобный» проникла идея о необходимости «охранять нерушимость прав владеемых графиней людей», мысль дерзкая и необычайная для эпохи крепостного права.

«Положение» состояло из нескольких частей. «Положение для учреждения третеского суда», присланное в имение в 1819 г., вводило здесь выборный суд, рассматривавший гражданские дела и жалобы мастеровых и крепостных крестьян. Сюда же поступали жалобы на управляющих, бургомистров и приказчиков. Суд этот в какой-то мере ограничивал произвол администрации. Однако вскоре «Дополнения к положению о третейском суде» запретили ему вмешиваться в хозяйственные распоряжения по всем частям главноуправляющего Пермским имением, главного тамошнего правления, управляющих заводами и соляными варницами³⁴. Окончательное решение всех дел оставалось за заводовладельцем.

В 1821 г. третейский суд был дополнен заводскими судами и расправами, которые должны были разбирать производственные конфликты, определять степень вины заводских работников и приписных крестьян и выносить им наказания. В состав заводских расправ входили заводской приказчик и по двое выборных от обществ мастеровых и приписных крестьян. Для дворовых (служащих) были учреждены свои словесные суды, выбиравшиеся из представителей этого «класса» и являвшиеся для них той же инстанцией, что и заводская расправа для мастеровых. Администрации было оставлено право без суда определять лишь мелкие нака-

³² ЦГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1208. Л. 1—8.

³³ Никитин А. Учитель Пушкина Куницын и уральский крепостной Вологов // Рифей: Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск, 1985. С. 127—149.

³⁴ Мастерналы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 83—122.

зания (штрафы до 5 руб., отсылку на тяжелые работы до пяти дней и наказание розгами до пяти ударов). Более суровые наказания подлежали утверждению в судах.

Строгановское законодательство, создавая для служащих особый суд, ни в одной из статей не освобождало их от телесных наказаний. Владелец другого крупного округа, Н. Демидов, уже в 1800 г. предписал Нижнетагильской заводской конторе «на заводских прикащиков публичных штрафов не налагать, ибо чрез то растраивается уважение и подчиненность, а за неисправность налагать пеню денежным взысканием»³⁵. Служащих более низких рангов, судя по исполнительно-распорядительной переписке и формулярным спискам, по-прежнему наказывали вицами, сажали под арест в конторе «с наложением цепей» и пр. Однако постепенно и для них эти наказания были отменены. Гораздо чаще в предписаниях заводовладельца в качестве наказания для служащих определяли понижение в должности, отсылу в тяжелые работы на определенный срок, денежные штрафы и в особых случаях отдача в рекруты³⁶.

Работа крепостных служителей на заводах, как и мастеровых частных заводов, была бессрочной и законодательно никак не ограничивалась. Решение вопроса о сроке службы целиком зависело от воли заводовладельца. Наиболее либеральным и в этом отношении явилось вотчинное законодательство строгановского имения. «Правила о положении пенсий» служащим и мастеровым Пермского имения, утвержденные в 1841 г., устанавливали для служащих вотчины твердо определенные сроки службы. В зависимости от усердия и поведения, которые оценивались главным правлением в формулярных списках по четырехбалльной системе, они могли получить пенсию после 20 или 35 лет службы (четверть годового оклада) и после 35 и 50 лет службы (полное жалование). Низший технический персонал (заводские строители, уставщики, плотинные мастера и пр.) получал пенсию на тех же правах, что и служащие³⁷.

Привилегией служащих в строгановском имении в первой половине XIX в. стала предоставленная им возможность «испрашивать» для себя освобождение от крепостной зависимости за заслуги в заводском деле. Согласно «Положению об управлении Пермским нераздельным имением» 1837 г. крепостные дворовые люди, не обучавшиеся в школе горнозаводских наук, могли получить вольную после выслуги 20 лет в должностях помощников управ-

³⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 193 об.

³⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 47; Д. 348. Л. 9, 56; Д. 379. Л. 7; Д. 381. Л. 151; Д. 391. Л. 74, 208; Д. 409. Л. 106 об.

³⁷ Материалы к истории Пермского майоратного имения... Т. 3. С. 96—105.

ляющих, заводских и промысловых приказчиков и поверенных. Помощники приказчиков, бухгалтеры, конторщики могли просить об освобождении от крепостной зависимости после 25, а все остальные служащие — после 30 лет «усердно и беспорочно пройденной службы». Служащие, закончившие школу горнозаводских наук, могли получить свободу уже после 10 лет службы в имении.

На Нижнетагильских заводах Демидовых правила освобождения служащих от крепостной зависимости не были зафиксированы в каком-то специальном документе, вопрос об освобождении решался заводовладельцем в каждом отдельном случае особо. Судя по формулярным спискам, число вольноотпущенных в этом округе в течение первой половины XIX в. росло. Если в формулярных списках 1799 г. (126 человек) нет ни одного вольноотпущенного, то в 1840 г. среди 485 служащих 21 числились отпущенными на волю³⁸. Все они относились к высшему звену аппарата управления. Вольноотпущенные в это время были все главные приказчики и управляющие округов, большинство заводских приказчиков, некоторые члены главного заводского правления, а также ведущие технические специалисты (Макаровы, Черепановы, Ерофеевы и др.).

В других частных округах Урала освобождение служащих от крепостной зависимости было распространено не так широко. Даже в конце Феодалного периода, судя по «Статистическим сведениям о частных горных заводах Уральского хребта», крепостные служители возглавляли 14 частных округов, среди них такие крупные, как Верх-Исетский, Невьянский, Юрюзанский, Белорецкий и др.³⁹.

«Заграничные воспитанники» (служащие, получившие специальную подготовку за границей) каких-то особых прав в Нижнетагильском округе не имели. Однако большинство из них, судя по формулярным спискам, получало должности высшего и среднего технического персонала. Так, в формулярных списках 1840 г. заграничное обучение указано у десяти человек. Все они служили на технических должностях: Александр Ерофеев — приказчиком при медном руднике, Алексей Ерофеев — приказчиком Выйского завода, И. Никерин — приказчиком Нижнетагильского завода и горного рудника, В. Шмаков — смотрителем на приисках, Я. Казанцев — лесным смотрителем, А. Густомесов, В. Козицын, Д. Кознов — чертежниками, Н. Шерлаимов — топографом, Ф. Звездин — мастером при бронзерном и ваграночном производстве⁴⁰. Однако

³⁸ ИГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 343, 344, 366; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 793.

³⁹ Там же. Оп. 8. Д. 1708. Л. 1—28.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 793.

не все из них были «заграничными воспитанниками»; судьба некоторых неизвестна.

Несмотря на некоторые права и привилегии, получаемые крепостными служащими частных заводов, социальное положение их было двойственным и нестабильным. Представляя по отношению к рабочим «господствующую над ними силу, чужую собственность»⁴¹, они в то же время оставались собственностью заводладельца. Полная зависимость от воли хозяина, постоянные унижения человеческого достоинства, которыми полны предписания заводчиков даже по отношению к высшим административным и техническим кадрам, невозможность полностью реализовать свои интеллектуальные возможности — все это делало положение служащих частных заводов очень тяжелым, часто невыносимым. Не случайно все они стремились к освобождению от крепостной зависимости.

Но и получив свободу, служащие частных заводов не имели равных прав с горными инженерами и чиновниками. «Устав о службе гражданской» запрещал принимать их на государственную. Права на службу не давало даже высшее образование, полученное за границей⁴². Известна неудачная попытка устроиться на казенную службу Ф. И. Швецова — образованного инженера, закончившего Парижскую горную школу⁴³. Конечно, любые законы можно было обойти с помощью денег и связей. Директор Нижнетагильских заводов Михайло Данилов, например, не имевший никакого образования, смог, оставаясь на службе у Демидова, получить должность комиссионера по закупке провианта для Гороблагодатских заводов, а вместе с ней — чин гиттенфервальтера и права наследственного дворянства⁴⁴. Получив освобождение от крепостной зависимости, служащие, особенно из числа технических кадров, чаще всего оставались работать в округе своего бывшего владельца. При этом они, как правило, приписывались к купечеству близлежащих городов. Купцами числились упомянутый нами М. Данилов, главный приказчик Нижнетагильских заводов М. Рябов и др.

Сословная структура феодально-крепостнического государства препятствовала выделению технической интеллигенции как особой социальной группы общества. В сословной иерархии технические кадры горнозаводской промышленности занимали разные ступеньки, несмотря на общность положения их в производстве. Правительство, да и заводладельцы понимали противоречивость поло-

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23, С. 374.

⁴² СЗ. 1857. Т. 3. Ст. 4.

⁴³ Виргинский В. С. Фотий Ильич Швецов, 1805—1855. М., 1977. С. 107.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 412. Л. 238 об.

жения этой новой социальной группы. Их стремление выйти из противоречия, сохранив сословные отношения, выразилось в наделении технических кадров казенных заводов особыми правами и привилегиями, а в частной промышленности — в создании особой категории заводских служащих. Однако попытки выделить технические кадры постоянно наталкивались на противоположную тенденцию в политике царского правительства — стремление сохранить чистоту состава господствующих привилегированных классов, оградить их от проникновения демократических элементов. Выйти из противоречия можно было, только отменив сословную систему. Однако, как показали дальнейшие события, сословная система в России не была уничтожена и буржуазными реформами 60-х гг. XIX в., что обусловило противоречивость социального положения и неоднородность состава технической интеллигенции в капиталистической России.